

— Мама дома еще и с папой дерется?! — широко раскрыл глаза Ду Цинчэнь.

Су Дун сразу смутился. Как он мог выболтать такие личные вещи? Но Ду Цинчэнь ведь свой человек, наверное, ничего страшного. Да и если он не расскажет, соседи все равно знают, они ведь слышат.

Су Дун смущенно почесал затылок:

— Ну... не так уж часто, просто мама бьет, а папа убегает, так что в итоге ничего серьезного.

Ду Цинчэнь серьезно кивнул.

Су Дун добавил:

— В будущем, если увидишь, как они дерутся, ты должен их разнимать!

Он дал наставление.

— Хорошо! — Ду Цинчэнь твердо кивнул. — Я знаю, что Мать Су — довольно вспыльчивая женщина, так что драки среди деревенских пар, когда они бегают друг за другом по деревне, не редкость.

Но...

— Мама тебя бьет? — Ду Цинчэнь задумался над этим вопросом. — Если Мать Су в порыве гнева могла ударить Су Дуна, то ему это будет очень неприятно, и он даже подумает, как предотвратить подобное. Мать Су, конечно, любит Су Дуна, но бить — это неправильно.

— Нет! Мама дома бьет только папу, а меня и Су Нуаня, когда злится, просто ругает. Но меня она ругает редко, так что обычно я разнимаю их. Мама говорит, что мужчина, который дома бьет жену, и мать, которая дома бьет детей, — это люди, которых она презирает больше всего, — Су Дун объяснил.

Ду Цинчэнь кивнул, сдерживая смех:

— Мама права, умелый человек должен поступать наоборот.

Су Дун хотел кивнуть, но почувствовал, что в словах Ду Цинчэня что-то не так, хотя не мог понять что именно. Он задумчиво склонил голову набок, погрузившись в размышления.

На следующий день лицо Су Дуна почти пришло в норму, и, если не присматриваться, было незаметно, что оно еще слегка опухшее. Су Дун решил остаться дома и шить одежду для Ду Цинчэня, лишь изредка заглядывая в маленькую закусочную, чтобы проверить поросенка.

Ду Цинчэнь и Су Цзюнься отправились к Учителю Лю, где первый заступился за второго, сказав много хороших слов и поручившись за него. Только после этого Учитель Лю неохотно согласился позволить Су Цзюнься посещать занятия в качестве вольнослушателя.

Однако Учитель Лю больше беспокоился о Ду Цинчэне:

— Ты все говоришь, что хочешь практиковать каллиграфию, но я никогда не видел, чтобы ты приносил свои работы. Ты все еще занят? Ты уже женился, я каждый день вижу, как ты сидишь за стойкой, даже на кухню редко заходишь. Почему ты не находишь времени для практики?

После того как вопрос с Су Цзюнься был решен, Учитель Лю обратился к Ду Цинчэню.

Ду Цинчэнь опешил:

— Ээ... У нас дом строится, и когда вы меня видите, я действительно нахожусь у стойки, но мне часто приходится возвращаться домой, чтобы посмотреть, как идет строительство.

— Разве твой отец не следит за домом? Я не вижу, чтобы ты помогал. Почему ты не находишь времени для практики? — Учитель Лю не купился на его отговорки.

Ду Цинчэнь почесал затылок, понимая, что его корявый почерк действительно нуждается в улучшении, и согласился:

— Хорошо, завтра же куплю бумагу, чернила и кисть, буду каждый день практиковаться!

— Как раз у меня есть прописи, тебе не нужно ждать завтра, возьми их сегодня. В нескольких шагах от входа в школу есть лавка, где продают бумагу и чернила, она рядом с твоим рестораном. Купи все сейчас и начни практиковаться дома! — Учитель Лю повернулся к Су Цзюнься. — Кстати, раз уж ты будешь вольнослушателем, тоже практикуй каллиграфию. Не нужно достигать больших высот, начни с основ. Шестой за последние дни выучил несколько иероглифов, пусть он тебя научит.

— Я?! — Су Цзюнься, который до этого радостно наблюдал, не ожидал, что его вовлекут в это.

— Он, такой грубиян, будет писать иероглифы?!

Но, вспомнив, что пришел учиться читать, он покорно опустил голову:

— Хорошо, понял.

Братья, понурив головы, вышли из школы и зашли в ближайшую лавку, чтобы купить бумагу и чернила, после чего разошлись по домам. Ду Цинчэнь, неся прописи и чернила, привлек внимание Су Дуна.

В доме Су Дуна никто не умел читать, поэтому он редко видел письменные принадлежности. После переезда в дом Ду он несколько раз видел бумагу и чернила Ду Жулия, но не решался прикасаться к ним, боясь испортить. Теперь, когда Ду Цинчэнь принес все это, сказав, что будет практиковаться, Су Дун осмелился прикоснуться, ведь вещи младшего брата и мужа — это разные вещи. Вещи младшего брата трогать нельзя, а мужа — можно!

С восхищением и любопытством Су Дун взял вещи Ду Цинчэня, осмотрел их и даже открыл прописи. Иероглифы выглядели красиво, хотя он не мог объяснить, что именно ему нравилось.

Ду Цинчэнь, увидев его интерес, мягко улыбнулся:

— Может, я научу тебя писать?

Су Дун смущенно положил прописи:

— Но ты ведь сам должен практиковаться, да еще и занят. Не будет ли это слишком обременительно?

— Как так может быть?! Древние говорили: «Красавица добавляет благовония», ты знаешь, что это значит? — Ду Цинчэнь подшутил над ним.

— Что... — Су Дун не понимал, он ведь не учился.

— Это значит, что если жена сопровождает мужа в учебе, то он учится быстрее и лучше, и ему веселее. Если ты будешь со мной практиковаться, я буду счастлив! — Ду Цинчэнь искажил смысл фразы.

Су Дун, не зная этого, поверил:

— Правда?

— Конечно! Чтобы я практиковался с большим удовольствием, я научу тебя писать. В будущем я смогу хвастаться перед другими: «Посмотрите на моего мужа, он не только трудолюбивый и способный, с хорошим характером и красивой внешностью, но еще и умеет читать и писать! У кого еще есть такой муж?!»

Глаза Су Дуна загорелись, хотя он смущался, но все же кивнул:

— Тогда я буду учиться писать с тобой.

Он хотел быть тем мужем, которым Ду Цинчэнь сможет гордиться.

Ду Цинчэнь, купив бумагу и чернила, серьезно настроился на практику. Однако, несмотря на его старания, результаты были далеки от идеала. Он писал один лист за другим, но каждый раз рвал их, недовольный своим почерком.

Су Дун с болью смотрел, как Ду Цинчэнь рвет бумагу, и наконец не выдержал, остановив его. Даже если сейчас они неплохо зарабатывают, нельзя так расточительно расходовать бумагу! Су Дун нахмурился, глядя на смущенного Ду Цинчэня.

Ду Цинчэнь с досадой потер лоб:

— Я редко пользовался кистью, единственное, что у меня получается более-менее сносно, — это мое имя.

— Мне кажется, это очень красиво, — искренне сказал Су Дун.

Ду Цинчэнь легонько щипнул его за щеку:

— Нет, еще далеко до идеала, мои иероглифы даже не стоит показывать людям.

В этот момент в комнату вошел Ду Гэнью. Дверь была открыта. Он поклонился Ду Цинчэню:

— Хозяин, снаружи какой-то приезжий, говорит, что не привык к местной еде, и хочет, чтобы мы добавили его собственные приправы в блюдо.

— Какие приправы? — Ду Цинчэнь отложил кисть и посмотрел на нового работника из рода Ду.

— Не знаю! — После нескольких фраз Ду Гэнью перестал держать себя как подчиненный, став более развязным. В деревне он тоже называл бы Ду Цинчэня «старший брат Цинчэнь». Однако Ду Цинчэнь нанимал не всех из рода Ду, у Ду Гэнью были свои достоинства.

Ду Гэнью серьезно продолжил:

— Хозяин, он принес какой-то пакет, мы не знаем, что это. Фугуй не осмелился добавить это в

еду, не знает, как использовать. Вдруг это яд, тогда и кастрюлю нельзя будет использовать.

Ду Цинчэнь встал:

— Пойдем, посмотрим.

Су Дун тоже вышел. Снаружи человек, одетый как торговец, с досадой говорил слуге:

— В городе я слышал, что в этом городке есть хороший ресторан, с новыми блюдами и отличным вкусом, поэтому специально приехал попробовать. Но оказалось, что вкус обычный. Я хочу, чтобы вы приготовили еще одно блюдо, используя мои приправы. Что тут такого?!

Торговец продолжал ворчать:

— Мои приправы — это нечто особенное, достаточно добавить немного, и вкус станет невероятным, вызовет восторг и желание вернуться снова. Вы даже не попробовали, как можете говорить, что это невозможно?! Позовите хозяина!

<http://bllate.org/book/16444/1491196>